

УДК/UDC 172.4

Язык как инструмент насилия

Олешкова Анна Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
г. Нижний Тагил, Россия

e-mail: oleshkova@bk.ru

SPIN-код: 7229-5877

Аннотация

В работе представлена интерпретация насилия в контексте фрейдомарксизма, политической философии и критического дискурса-анализа. Категория насилия операционализирована в логике, предложенной Х. Арндт, показана разница насилия и власти. Представлена типология насилия С. Жижека. Дискурсивное понимание власти, начиная с М. Фуко, обусловило ее онтологический статус. Связующим элементом, позволяющим увидеть в насилии одновременно субъективную, объективную и символическую основу социальной системы, является именно язык (а в широком смысле слова — дискурс), в котором концептуализировано насилие. Особо подчеркивается важность использования эмпирического материала для социально-философского анализа: Х. Арндт и С. Жижек формируют свои взгляды и теории на основе событий и проблем, характерных для их эпохи. Обозначенные теории через анализ злоупотребления языком позволяют изучать дискурсивные и недискурсивные практики насилия, которыми наполнена повседневность современного человека.

Ключевые слова: власть, насилие, язык, дискурс, критический дискурс-анализ, фрейдомарксизм, психоанализ, структурализм, постструктурализм.

Language as a Tool of Violence

Oleshkova Anna Mikhaylovna

Candidate in History, assistant professor of the Department of Humanitarian and Social and Economic Sciences

Nizhniy Tagil State Social and Pedagogical Institute, Russian State Vocational Pedagogical University

Nizhniy Tagil, Russia

e-mail: oleshkova@bk.ru

SPIN Code: 7229-5877

Abstract

The article offers a view of violence in Freudo-Marixism, political philosophy, and critical discourse analysis. Violence is defined through H. Arendt's logic, where she demarcates power and violence, followed by the summary of S. Žižek's typology of violence. Discursive view of power that descends from M. Foucault draws our attention to its ontological status. Meanwhile, the binding agent that enables us to see subjective, objective, and symbolic power of any given social system simultaneously is a language (or a discourse in broader terms) that conceptualizes violence. Thus, it is particularly necessary to use the empiric data in social philosophy: H. Arendt and S. Žižek are shaping their views and methodology on the concurrent issues and events. These theories assist us in understanding that the manipulation of language through discourse and non-discourse practices dominates our daily lives.

Key words: power, violence, language, discourse, critical discourse analysis, Freudo-Marixism, psychoanalysis, structuralism, poststructuralism.

Насилие укоренено в языке. Социально-философская мысль, представленная разнообразием методологий и акцентов этой темы, позволяет говорить о дискурсе как контекстуальной и инструментальной основе доминирования. Представители тех подходов, которых мы выбрали для освещения этой темы, позволяют представить тезис во всех сферах общественной жизни: политической, социальной, экономической и культурной.

Х. Арендт в своей работе «О насилии» обозначает два важные для нас момента. Во-первых, она проводит операционализацию поня-

тий, смысл которых нередко на уровне академического знания, а также обыденного восприятия является нечетким. На это есть причины, в т. ч. лингвистического и методологического характера, проблема перевода, а также убежденность исследователей в общем функционале целого ряда феноменов. В частности, речь идет о таких категориях, как власть, мощь, авторитет, насилие. Во-вторых, свой анализ философ проводит на основе эмпирического материала, что, на наш взгляд, очень важно для философских работ, в которых всегда есть соблазн остаться в пределах теоретизирования и умозрительности. Аренд строит свою теорию на событиях 1960-х гг., акцентируя внимание на таких вопросах, как гонка вооружений, холодная война, молодежные протесты на Западе, война во Вьетнаме.

В отличие от категорий «сила», «мощь» и «власть», «насилие» опирается на «орудие», важное значение в его реализации играет схема «средство — цель» [1]. Более того, в условиях неточного прогнозирования, свойственного социальным наукам, автор отмечает, что именно «средства» играют более значимую роль, тогда как гарантировать реализацию задуманных «целей» не представляется возможным.

Операционализация понятий, предпринятая Арендт, позволяет провести демаркационную линию между феноменами, которые действительно следует трактовать контекстуально. Власть свидетельствует о двух важных проявлениях: действиях именно группы субъектов, а не одного актора; наличии согласованности в действиях этих субъектов. То, что принято персонифицировать в единой личности, является проявлением не власти, но мощи. Категорию «власть» в этой связи можно использовать метафорически. Мощь является характеристикой индивида, проявлением его автономности, с которой посредством власти и борется группа индивидов. Аренд справедливо отмечает, что со времен Платона и Ф. Ницше механизмом обоснования враждебного отношения многих к одному является рессентимент. Также для понимания генеалогии насилия симптоматичным является тот факт, что сама идея моральности возникла из злобности и зависти [2, с. 10]. При этом сама Арендт считает,

что такой подход не объясняет всей сути явления, ведь группа и власть по своей природе противостоят индивидуальности и мощи [3, с. 52]. Вне убеждения и принуждения действует такой феномен, как авторитет, с помощью которого субъект, возможно и вне своих примечательных личных качеств, может влиять на ситуацию. Арендт приводит в пример пьяного священника и жестокого отца [3, с. 53]; в этих случаях наглядно становится ясным, что важным ресурсом, своего рода капиталом авторитета является уважение.

Также в рамках теоретической экспликации понятий Арендт заостряет проблему насилия и на локальном, и на глобальном уровнях, обозначая базовое противопоставление в этом вопросе: парадокс «рациональное— иррациональное». Сложно создать такую логичную, непротиворечивую, рациональную конструкцию, в которой всем будет ясно, что тот или иной акт насилия является абсолютно необходимым. Насилие имеет и иррациональную природу, и парадокс состоит в том, что именно разум является причиной иррациональности [3, с. 71], сама аргументация может быть абсурдной, иррациональной и непонятной самим субъектам высказывания [3, с. 27, 90]. Другим, частным примером проявления парадоксальности насилия являются формы, которые человечество изобрело для того, чтобы обозначать свою волю. Например, забастовка, которая, с одной стороны, находится в легальном пространстве, но с другой — ей всегда оказывается противодействие со стороны полиции и суда [3, с. 131].

Согласно Арендт, власть — это сообщество людей, совместное бытие. С позиции раннего М. Хайдеггера, оказавшего влияние на Арендт, можно обозначить данное сообщество как говорящих и слушающих [3, с. 120]. Дискурс в терминологии М. Хайдеггера следует понимать как маску, которая скрывает «фактичность жизни» [3, с. 140], в результате метафизика понятий складывается из безличности языковых знаков.

Феномены коммуникации занимают в теориях фрейдомарксистов, феноменологов и франкфуртцев важное место. Когда Арендт приводит в пример «Легенду о Великом инквизиторе», она отмечает молчаливость

Христа и активное говорение инквизитора [4, с. 112]. Увязывая молчание и сострадание в единый процесс, ориентированный на другого, переживание его эмоций как своих собственных, в противовес приводится речь: безостановочное говорение, которое дистанцирует субъекта от другого, порождает бесконечный дискурс.

Политическое — это всегда область коммуникации. В терминологии Ю. Хабермаса [3, с. 143] Арендт рассматривает политическое, коммуникативное и насильственное. Насилие оформляется в результате того, как говорение перекрывает слышание.

Парадокс, но свободное общение — основа насилия. Как следствие, насилие — константа общества. Покинуть пределы насилия невозможно. Арендт с необычной стороны доказывает имманентный его характер. Коммуникация как естественное проявление разума с его способностью к концептуализации фиксирует политическое и насильственное. Демократия, как и любая иная власть, имеет опцию насилия.

Арендт указывает на то, что абсолютное добро, как и абсолютное зло, ведут к насилию. В определенной степени это напоминает концепцию С. Жижека, согласно которой либерализм по определению являет собой пример дегуманизации [5, с. 32]. Либеральный коммунист и слепой фундаменталист — грани одного явления. Гуманизм — это идеология [6, с. 38].

Во взглядах Жижека мы видим два сюжета, связанных с насилием, и оба они замыкаются на языке. Но в первом случае важна политическая концепция Жижека, в которой он характеризует виды насилия, и это скорее марксистская составляющая его концепции, которую напрасно считают лишенной методологической основы, полагая, что идеи Жижека нельзя систематизировать.

В работе «О власти» Жижек описывает три вида насилия, образующие треугольник, в котором наиболее заметная роль принадлежит субъективному насилию. Оно выражено в четко опознаваемых процессах: войны, теракты, преступления. Объективное насилие, кажущееся ненасилем «нулевого уровня», является насилием системным, характе-

ризующим само основание общества. С точки зрения Жижека, оно приняло новые формы в капитализме, образно выражаясь, именно «метафизическая пляска Капитала» — это ключ к пониманию всех современных процессов и явлений, в т. ч. катастрофических [5, с. 15]. Опасность такого насилия — в анонимности, его невозможно сопоставить с конкретными людьми. Именно политические и экономические системы являются источником объективного насилия. Фрейдомарксистская критика современного общества заключается у Жижека в анализе недостатков современного капитализма. Однако и другие идеологические системы показаны как источник системного насилия: Жижек достаточно резко пишет о либерально-коммунистической этике, для которой благотворительность является «маской», скрывающей «оскал экономической эксплуатации» [5, с. 22, 23].

Символическое насилие связано с языком и проявляет себя не только в очевидных агрессивных формах коммуникации, но в языке как таковом, поскольку мы имеем дело с фундаментальным насаждением смыслов, тем, что цитируемый Жижеком Хайдеггер называл «домом бытия» [5, с. 5]. Языковые (дискурсивные) формы насилия в большей степени соответствуют названию «системное», «объективное», поскольку действительно все мы живем прежде всего в символическом пространстве, а уже потом в политическом и экономическом.

Именно язык является ключевым элементом насилия как в субъективной, так и в объективной формах. Последняя форма имеет особое значение, т. к. фактически скрыта от субъекта и представлена в виде легально-легитимных практик.

Во втором случае значимым является как раз фрейдистская часть концепции Жижека, а точнее, лакановская. В идеях Жижека, как и во взглядах М. Фуко, мы находим важную мысль о «разрыве». Исторический разрыв и эпистемологическое препятствие – терминология Г. Башляра [2, с. 5], которая позволяет проследить качественное отличие исторических форм знания. Насильственная демаркация истины, ее искусственное происхождение ставит под сомнение идентичность самого

субъекта, а не только верификацию социокультурного пространства. По Жижеку, идентичность — фантазия, следствие представлений Другого, субъект изначально расколот и насильственно лишен целостности. Человек оказывается лишенным сущности, в этой связи Вещь-наслаждение создает травмирующий эффект. Жижек говорит об интерпассивности субъекта [7, с. 178], фактически о подчиненности миру Другого, в качестве примеров автор приводит закадровый смех в телепрограммах, плакальщиц на похоронах и др. [6, с. 20]. В контексте философии Ж. Лакана следует помнить, что бессознательное структурировано как язык. Вместо фрейдовской триады «Оно — Я — Сверх-я» Лакан вводит в оборот другую взаимосвязь: «Реальное — Воображаемое — Символическое». Важным аспектом является синтез воображаемого, заключающееся в субъективной иллюзорности, и символического, выраженного в объективных механизмах языка и культуры. Переосмыслив категорию бессознательного, Лакан связывает его с историческими порядками культуры. В отличие от других представителей психоаналитических течений, теория Лакана излагается «философским тоном» [6, с. 5].

Символическое, исследуемое Жижеком и Лаканом, играет двойственную роль в структурировании насилия. С одной стороны, язык порывает «дыру» в реальности [7, с. 124], с другой — помимо включенности и в субъективное, и в объективное насилие, именно символическое позволяет субъектам достичь терпимого сосуществования [6, с. 38], и с ним связан, по мнению Жижека, «самый унижительный вид насилия»: невозможность принять суть, ядро собственного бытия. Всегда существует разрыв, который отделяет ядро от других, более поверхностных, уровней идентификации [6, с. 46].

Конкретно-историческое измерение также важно и для Фуко, который именно так понимает дискурс, подразумевая под этим явлением совокупность речевых практик, свойственных данному обществу. Можно сказать, что это способ принудительного структурирования мира, способ маркировки вещей, который мы этим вещам навязываем. Дискурс не может быть нейтральным, являясь следствием социального порядка,

дискурс обладает властью. Дискурс сам может испытывать давление [8, с. 57]. Таким образом, в отличие от персонифицированных трактовок власти, связанных с активностью тех или иных групп или индивидов, перед нами, с одной стороны, ее институционализация, с другой — онтологизация.

Следствием первого аспекта является контроль, регламентирующие практики, определяющие существование субъекта в обществе. Субъект не может высказывать любую мысль и ориентировать ее на любой субъект. По сути, субъект ограничен в использовании своего основного инструмента насилия — языка. В отношении второго аспекта следует обратиться к роли науки и знания: описывая современную культуру, Фуко говорит о ее двойственном характере, заключенном в противостоянии логофилии и логофобии [8, с. 78]. Непредсказуемый характер высказываний нарушает формы мысли и бытия, искажает их соотношение, формирует насильственный контекст, в котором дискурсы сортируются, истина и ложность подвергаются отбору. От субъекта скрыты правила игры дискурсов, неизвестны механизмы, по которым складываются сверхзначимые или незначимые концепты.

Важную роль играет маркировка дискурсов. Дискурсивная среда развивается в конкретно-исторических условиях, которые нужно учитывать при анализе двух противоположных тенденций: свободная процессуальность дискурсов и их социокультурная детерминация [8, с. 24, 30].

Фуко предпринимает попытку представить в историческом срезе эволюции эпистем — последовательность смены парадигм знания, в которой, как представляется, важно не столько содержание, сколько границы этого знания, акценты, которые расставлены как значимые в тот или иной исторический период [9, с. 34]. Это важный сюжет работ Фуко, поскольку он позволяет увидеть трансформации способов того, что и как можно познавать. Сама идея знания тесно переплетена у Фуко с дискурсом, властью и практикой.

Фуко последовательно раскрывает различные конфигурации знания. Приводит в пример античность — это первый исторический период

развития дискурса, когда дискурс сопоставлялся с привилегированной культурой, не только определяющей состояние общества в данный момент, но и обладающей конституирующей силой на ее будущее развитие. Во многом причина такой силы дискурса заключалась в логоцентричности античной культуры, ее обусловленности единым универсумом, который предполагалось возможным постичь рациональным способом. Доминирующий потенциал дискурса был ясен уже на самом раннем историческом этапе развития дискурса и выражен в характерном образе софиста [8, с. 85]. В Средние века и эпоху Возрождения был важен принцип подобия [9, с. 55–60], и любое богословское суждение, научное открытие было подчинено этому принципу. Вещи существуют только через сопоставление друг с другом. Анализ, расчленение целого на части — процедура, характерная для культуры Разума. В этом отношении вещи существуют как часть каталогов и энциклопедий [9, с. 101–106]. К XIX в. формируется новая, современная эпистема, становление которой приходится на конец XVIII в. [9, с. 403], предполагающая, по сути, системный подход к новой реальности, располагающей многообразием фактов, которые нуждались в осмыслении и управлении. Сформировались новые объекты познания, стали складываться новые дисциплины. В конце XIX в. в «поле мысли» вернулся и язык [9, с. 327].

В отличие от Арндт, Фуко понимал власть как силу. Процесс эволюции, изменение культуры сопровождается волей субъекта к обретению знания. Можно сказать, что в новейшее время эпистема системы эволюционирует к эпистеме контроля. При этом следует учесть, что уподобление, разъединение, синтезирование также построены на принуждении.

Культура — совокупность дискурсов, прежде всего языковых. Тот субъект, который управляет дискурсами, способен манипулировать другими субъектами, чья субъектность если и не исчезает полностью, то становится под вопросом. Процесс управления дискурсами, с одной стороны, подчиняет индивидов, с другой стороны, вне этого процесса препятствует хаотичности социокультурного пространства, а сам этот процесс позволяет кристаллизироваться знанию и власти.

Фуко выделяет ряд процедур, характерных для контроля над дискурсами: запрет, разделение, отбрасывание, оппозиция истинного и ложного [8, с. 52–55].

Но самая для нас важная мысль в анализе эпистем Фуко заключается в выводе о фактическом отсутствии в пространстве культуры до XIX в. такого явления, как безумие: «безумцы не считались больными» [2, с. 390]. Действительно, наука, конструируя свой предмет исследования, проводит искусственные, насильственные границы в структуре бытия.

В критическом дискурс-анализе, который опирается на интеллектуальную традицию франкфуртской школы, постструктурализма, неофрейдизма, используется понятие «коммуникативная власть», которое позволяет нам увидеть связь между языком и насилием на разных уровнях, возможно непривычных, поскольку речь, как и в случае с примерами Жижека, идет о скрытых проявлениях, в частности выраженных в СМИ. С другой стороны, сюжеты, которые используют в исследовании сторонники метода, описывают реалии, связанные с обыденной жизнью человека, рутину, которая оказывается наполнена насилием, ибо любая культура основана на коммуникации и иерархии.

Дискурс, текст, язык и речь можно понимать как синонимы, при этом понятие дискурс претендует на глобальное применение, фактически отождествляясь с социокультурным пространством и, что важно, знанием и представлением о нем. Важным в этом отношении является тезис о том, что весь мир — это текст. Также уточним, что категории «язык» и «речь» позволяют видеть разницу трактовок через оппозицию «письменно — устно», демаркация таких граней может быть принципиальной.

Дискурс понимается как контекстуальное взаимодействие, обязательный учет социальной практики с целью выявить сложные отношения между социальной структурой и структурой дискурса.

В рамках критического изучения дискурса разработке подлежит сам концепт власти с акцентом на тех измерениях, которые касаются коммуникации. Следует сказать, что проработка категории «власть» в

данном подходе выглядит более детальной, возможно, из-за изначально-го фокусирования методологической оптики именно на языковых практиках, свойственных субъектам. Изучая дискурсивное воспроизводство злоупотребления властью, представители данного подхода, в частности Тён ван Дейк [1], Рут Водак [10] и др., с одной стороны, уделяют внимание семиотическим характеристикам дискурса, подвергая анализу скрытые смыслы, транслируемые в средствах массовой информации, в заявлениях политических деятелей, повседневных разговорах, учебниках [3, с. 14] и иных источниках, с другой — выходят на вопросы социального неравенства, справедливости, выявляя тиражируемые расовые и этнические предрассудки, стереотипы, в конечном счете имея возможность выстроить образы «своих» и «чужих», охарактеризовать портрет ин- и аут-групп. Безусловно, данный анализ невозможен без обращения к ресурсам социальной философии, этики, моральной философии. Концепты критического дискурс-анализа нуждаются в детализации в рамках более глобальных подходов социальных наук. Как следствие, обозначенные выше методологии и отдельные идеи философов необходимо учитывать в рамках развития единой междисциплинарной области дискурсных исследований, определения социального измерения функционирования языка.

Отдельное внимание в критическом дискурс-анализе уделяется властным группам, управляющим публичным дискурсом: СМИ, государственные организации, бизнес-корпорации. Использование языка — злоупотребление языком, порождающее доминирование, представленное в многообразии повседневных практик, которые во многом являются нормой или даже обладают положительной коннотацией для разных социальных групп и нуждаются в пристальном и междисциплинарном изучении: «манипуляция», «внушение», «дезинформация» — слова, которые часто ассоциируются с работой СМИ. Кроме того, социокультурный опыт человечества наполнен сюжетами о сексуальных притязаниях, коррупции, дискриминации, буллинге, не говоря уже о терактах, войнах, катастрофах. Важно понимать, что все эти процессы для субъекта могут

существовать как непосредственно, так и опосредованно, через текст, в котором важно выявить нелегитимную объективность.

Таким образом, согласно представленным теориям, можно сделать ряд частных выводов, определяющих заглавный тезис: язык — инструмент насилия. Как минимум, можно говорить о разных сферах его применения: политика, социальные отношения, процесс познания, этические суждения, экономический уклад и в конечном счете повседневные практики людей. Так, наука, достижения которой репрезентированы через текст, через коммуникацию, отражает несвободный, насильственный характер своего развития и функционирования. Объективное освещение информации посредством прессы затруднено; трансляция смыслов и нарративов превращается в конструирование образов врага, а отбор материала происходит тенденциозно.

В понимании природы власти возможна дихотомия, которая представляется скорее формальной, чем сущностной дилеммой. Не все из обозначенных нами авторов проводили четкую границу между властью, насилием, доминированием и силой. С одной стороны, власть видится как явление внешнего порядка по отношению к субъекту, который ее ощущает на себе или на примере субъекта, который получает или теряет властный ресурс. С другой стороны, власть отражает норму, своего рода консенсус в обществе, имеющего имманентный и конституирующий характер для социальной системы, представляя собой индикатор легитимности и порядка. Насилие, концептуализированное в языке, есть дискурс. Насилие имеет онтологическую природу. Особенности этого феномена не выводятся из биологической или социальной сущности человека и общества, при этом выступают проявлением именно коллективного бытия человека. Сам акт и факт вхождения в социальное порождает насилие. В этой связи возникает опасность инструментализированного понимания человека, потери его субъектности. Онтологическая природа насилия посредством языка формирует социальные отношения власти и насилия, имеющие институциональное измерение.

Список литературы

1. Дейк, Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. 576 с. (Книга света).
3. Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
4. Арендт Х. О революции. М.: Издательство «Европа», 2011. 464 с.
5. Жижек С. О власти. М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с.
6. Жижек С. Как читать Лакана // Dream Work. URL: <http://dreamwork.org.ua/славой-жижек-как-читать-лакана/> (дата обращения: 30.05.2020).
7. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009. 334 с.
8. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с франц. М.: «Касталь», 1996. 448 с.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. статья Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
10. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / Пер. с англ. Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2018. 404 с.

References

1. Dijk, T. van. Discourse and Power / Translated from English. Moscow: Librokom, 2013. 344 p.
2. Foucault, M. Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. St. Petersburg, 1997. 576 p.
3. Arendt, H. On Violence / Translated from English by G. M. Dashevskiy. Moscow: Novoye izdatelstvo, 2014. 148 p.
4. Arendt, H. On Revolution. Moscow: Yevropa, 2011. 464 p.
5. Žižek, S. On Power. Moscow: Yevropa, 2010. 184 p.
6. Žižek, S. How to Read Lacan // Dream Work. URL: <http://dreamwork.org.ua/славой-жижек-как-читать-лакана/> (access date: May 30, 2020).
7. Žižek, S. The Puppet and the Dwarf: The Perverse Core of Christianity. Moscow, 2009. 334 p.
8. Foucault, M. The Will to Truth / Translated from French. Moscow: Kastal, 1996. 448 p.

9. Foucault, M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences / Translated from French by V. P. Vizgin, N. S. Avtonomova; foreword by N. S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad, 1994. 408 p.

10. Wodak, R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean / Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr, 2018. 404 p.